

ДЕВОЧКА танцевала на берегу океана. Она смотрела на океан и танцевала, оставляя на белом песке следы босых ног.

«В неизменной вечной гармонии движутся волны, ветры и шар земной. И не идем же мы к морю, не вопрошаем у океана, как двигался он в прошлом, как будет он двигаться в будущем: мы чувствуем, что его движение соответствует природе его вод, соответствовали ей и вечно будут ей соответствовать...» Она танцевала одна, на белом песке, на краю огромной земли, которую люди называли Новым Светом. Когда она выросла и стала танцевать как никто на свете, ее часто спрашивали: кто вас учил?

— Терпсихора, — смеялась Дункан. — Богиня танца, Терпсихора.

БЕЛЫЙ, как лунь, старик со значком Мариинского театра на груди пригласил семилетнюю девочку танцевать мазурку. Из всех благовоспитанных учениц старый учитель предпочел ее. Это был очень счастливый день... Потом она выросла и разлюбила все танцы, кроме мазурки. А пока она росла и становилась старше, муза танца интересовала ее все меньше. На заре нового века все искусства рвались из классических форм, и только Терпсихора продолжала стоять на пуантах. Девушке из хорошей семьи, Стефаниде Дмитриевне Рудневой, балет представлялся красивым, но скучным.

красна. Все сходили от нее с ума — математики, философы, студенты. Так с балеринами не бывает. Люди возвращались с ее концерта домой и понимали, что то, что они делают в жизни, совсем не то, что они есть на самом деле, что надо немедленно начинать другую жизнь!

— Но что же там было такое?

— Там... — Стефанида Дмитриевна молчит и, наверное, что-то видит. Потом смеется, — там была Изадора.

Вернувшись с концерта Дункан, Стефанида Дмитриевна стала новым человеком. Не на час, не на день — на всю жизнь. Говорят, в танце Дункан было нечто такое, что помогало людям понять свою натуру. Стефанида Дмитриевна почувствовала, что намерение стать сельской учительницей соответствует больше духу эпохи, чем ее собственной душе. Она не знала в точности, кем станет, но знала отныне, что у каждого человека в жизни есть своя миссия. В 1907 году Руднева стала слушательницей знаменитых Бестужевских курсов.

ЧЕ МОЖЕТ быть творчества без надежды и веры. Не может быть надежды и веры без стремления выразить себя в творчестве», — писал один соотечественник Дункан. Мы привыкли говорить, что нетворческих профессий нет, что труд портного, хлебопашца или художника равно отмечены творческой радостью, глав-

искусство ли это? Ленинград двадцатых — начала тридцатых годов признавал спектакли «Гептахора» искусством. Но от работы студии остались лишь случайные снимки в архиве Рудневой. Впечатление они оставляют необыкновенное: не балет, не пантомима, что-то совсем другое — танец, который вписывается в морской пейзаж, танец, лишенный условностей, простой и вольный... В 1934 году студия распалась не по своей вине, для музыкального движения начались трудные годы.

СВОЙ труд, по сей день неизданный, Стефанида Дмитриевна начала писать в военные ночи, при свете копилки. Единственный сын ее был в армии, на Дальнем Востоке, она писала о танце. Солдатники ее занялись другими делами, ученики разбрелись по свету, она искала и находила новых. После войны в Доме художественного воспитания детей Московской области занималась подготовкой педагогических кадров для домов пионеров, клубов, школ. Работала с ведущими музыкальными воспитателями детских домов Москвы и области. Она была убеждена, что лучше всех на свете танцуют дети...

— Вы не замечали, как маленькие дети не могут равнодушно слушать музыку? Они танцуют! Только не надо им мешать, не надо просить сплясать перед гостями, они тут же начинают кривляться.

Она учила других, писала, десять лет боролась за выпуск сборника «Музыкальные упражнения, игры и пляски для детей дошкольного возраста», который сейчас стал библиографической редкостью и в котором так нуждаются музыкальные работники детских садов. Все это было нелегко, но «без мерихлюндий», как говорит Стефанида Дмитриевна, музыкальное движение существует! Конечно, до лучших времен «Гептахора» ему далеко, но ученики ее учеников танцуют сегодня в одном из домов культуры Москвы. Недавно они с успехом выступали в ЦДРИ.

Идеи «Гептахора» развиваются дальше и порой по неожиданным направлениям. В Ленинграде одна из учениц Рудневой занимается музыкальным воспитанием глухих детей.

— Если б мне не сказали, что эти дети глухие, — удивляется сама Стефанида Дмитриевна, — я бы никогда не поверила.

Музыкальное движение было и может стать искусством с выходом на широкую публику. Но, что может быть еще интересней, идеи «Гептахора» доступны каждому.

СТЕФАНИДА Дмитриевна может показаться человеком странных взглядов. Она говорит, как о вещах одного порядка, о шубертовском военном марше в исполнении Дункан и о пляске под гармонику на заснеженной станции, о признанной всем миром Улановой и никому не известной директорше гостиницы, которая танцевала «русского» как никто.

— Это я видела, — говорит она, — Во всем должна быть правда.

Если человек замечательно владеет техникой, но выражает не себя, разве это не фальшивый рояль? Жизнь должна быть правдой.

Еще пять лет назад Стефанида Дмитриевна показывала участникам нынешней студии, как нужно двигаться. В восемьдесят пять лет! Она — странный человек. В мае этого года решилась на серьезную операцию глаз. Ее отговаривали, за нее боялись. «Но я же не могу нормально работать, — говорила она. — Вам бы понравилось плохо видеть, когда нужно писать?» В ее возрасте люди обычно живут прошлым, а к молодым относятся сонисходительной мудростью — мол, прожито с моем. С ней же можно поспорить и не согласиться, и свою точку зрения она будет доказывать с запальчивостью семидцати лет...

Если бы существовала статистика, сколько людей занимаются счастьем человечества, то, наверное б, выяснилось, что их не так много, как хотелось бы. Они могут показаться странными и категоричными, могут показаться даже беспочвенными мечтателями. Ну поверьте ли вы, что танец способен сделать всех людей счастливой, чем они есть?

Та, которую танцу учила сама Терпсихора, говорила об этом так:

«...Я смотрела, как пляшет перед волнами моя маленькая племянница Тамплъ... Я думала о городах, далеких от моря. Я думала про зиму в этих городах, про лавки на улицах, о своей городской жизни в мрачные зимы. Каким же образом радость этого дня, радость солнца, лета, детской пляски у моря — может быть перенесена в город, в черную зиму, чтобы помочь нам ее пережить? Может ли танцовщица отразить в своем существе радость солнца и волн? Может ли она запечатлеть эту красоту в своем сердце и передать ее городскому жителю зимой? Может ли она дать своей пляской ту радость, которую я испытываю, глядя на девочку, пляшущую на песке?..»

Т. ШОХИНА.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

ДВИЖЕНИЕ — ЭТО РАДОСТЬ

Айседору Дункан она увидела, когда ей было семнадцать лет.

КОМНАТКА выходит окнами на улицу. Это обычная улица в новом районе Москвы, где на узких полосках газона растут тоненькие деревца, про которые трудно поверить, что когда-нибудь они станут вековыми. В комнате тесно, хотя вещи здесь самые необходимые — узкая кровать, письменный стол, шкафы с книгами и рукописями. Со старых дагерротипов, с портретов, писанных акварелью, смотрят разные люди. За долгую жизнь у человека набирается несколько таких лиц, которые хочется видеть каждый день, без них одиноко.

Старая женщина смотрит в окно. Если в эту минуту вы будете проходить мимо, возможно, она угадает, влюблены вы или печальны, опаздываете на экзамен или торжественно вышгиваете на свой юбилей. Она узнает это по походке. «Утром у людей одна походка, вечером другая, — говорит она. — Никто не подсказывает вам, как вы ходите, вы и не думаете об этом. Но каждое движение, любой мимолетный жест о чем-то рассказывает».

Одному написано на роду понимать краски, другому — слова, кто-то видит движение, а кто-то покрой одежды. Стефанида Дмитриевна Руднева всю жизнь посвятила тому, чтобы развить в человеке способность двигаться под музыку, способность выявлять в движении музыкально-эстетическое переживание. Она — теоретик музыкального движения, одна из основательниц студии «Гептахор», автор работ по музыкальному движению в детском саду, последовательница Айседоры Дункан.

Неправда, что годы стирают в памяти лица, что забываются чувства и краски белого дня. Это забываются серые дни, из серых лет жизни. Но таких у Стефаниды Дмитриевны было мало. Свои воспоминания она назвала «Воспоминаниями счастливого человека». Этим словам можно доверять, Стефаниде Дмитриевне девяносто лет. Как говорил Виктор Шкловский: «Я уже слишком стар, чтобы быть вежливым»...

— Я УВИДЕЛА Изадору, и все кончилось. Я стала другим человеком.

— Почему вы говорите Изадора?

— Так ее звали. Айседора получилось по ошибке, неправильно прочитали с английского имя Изадора, но афиши уже вышли, исправлять было недосуг. Она, кстати, расстраивалась: в России ее поняли как нигде в мире, а вот имя перепутали.

— Она ведь была очень красивой?

Стефанида Дмитриевна качает головой: — Она была прекрасной. Она была обыкновенной женщиной, но прекрасной. И все, что ее видел, понимали, что любимая женщина может быть прекрасной.

— На Дункан шли из любопытства, чтобы увидеть что-нибудь сногшибательное. Но она появлялась на сцене, и всех прежде поражаало, что она самая обыкновенная, никакая не красавица. Но она начала танцевать, и все видели, что она пре-

ное найти себя. Слова эти, звучащие в повелительном наклонении, стали общим местом и порой раздражают слух. Каждому ясно, что себя надо найти. Но это стремление к творчеству, которым в большей ли, в меньшей ли мере надделен каждый, — как его искать по жизни, как защищать?

Танцевать бестужевки начали просто так. Конечно, под влиянием Дункан, но Дункан они не подражали. Собирались в просторной комнате, кто-то садился за рояль, и под Моцарта или Шопена они танцевали. Не глядя друг на друга, не стараясь произвести впечатление, просто пытались понять и выразить музыку. Иногда и музыки не было, танцевали, слушая себя.

В один прекрасный день семь бестужевок ушли из дома — это было еще до революции — и стали жить коммуналь. Мать и старшие братья Стефаниде Дмитриевне не препятствовали. В семье ее научили чему могли: трем языкам, любви к музыке и литературе, уважению к человеку и стойкости перед жизненными неурядицами, но семья никогда не посягала на ее свободу.

Свобода была идеей времени. И они исповедовали свободу. Время было сложное и, как потом оказалось, суровое, но сколько же в нем было надежд, сколько веры, что идеалы человечества вот-вот сбываются!

Они одевались не так, как все, — в греческие туники и русские сарафаны, которые сами шили. Они выстроили под Лугой дом с верандой на крыше и танцевали на крыше. Вместе они поехали в Грецию, на родину античного танца, в котором искала свое вдохновение Дункан. Они ехали туда почти без денег, спали на палубе, под открытым небом, за что их прозвали аистами. Все были неплохо образованы и деятельны (Камилла Васильевна Тревер стала, например, археологом, членом-корреспондентом Академии наук СССР, Екатерина Владимировна Цинзерлинг — доктором минералогических наук), но жажда иного знания гнала их по свету. Где, в чем эта гармония между душой и телом, которую вроде бы знали древние греки и которую люди не устанут искать?

Пока они нашли свою стезю — танец. Вслед за Дункан они считали, что человек научился выражать высокие чувства в движении, а человеческое тело может быть инструментом не менее тонким, чем голос или слово. Вслед за Дункан они считали, что танец должен стать достоянием каждого ребенка. С 1914 года они стали заниматься с детьми, а в 1918-м основали Государственную студию музыкального движения «Гептахор».

«Гептахор» искал, как двигаться под музыку, чтобы не было зазора между внутренним чувством и движением. В отличие от классического балета, где обучение начинается с отработанной веками техники, у музыкального движения нет застывшего набора форм. Есть приемы, позволяющие ярче выразить индивидуальность. Музыкальным движением можно начать заниматься и в пять, и в двадцать, и в сорок лет. Но тут рождается вопрос: